

Теория и история архитектуры. 2023. Вып. 1. С. 112–118
Theory and History of Architecture. 2023, no. 1, pp. 112–118

УДК 72.01

DOI: 10.22227/2712-8237.2023.1.112-118

Ощущение места, ощущение времени¹

Джон Б. Джексон

Научный перевод А. В. Карлинского

Одна из отличительных черт Америки, которую любят критиковать иностранцы, — это однообразие и монотонность ее пейзажей. Особенно они выступают против похожести наших городов, отмечают, что, за исключением Бостона, Нового Орлеана и Сан-Франциско, все наши города не только походят друг на друга, но и что каждый из них в свою очередь однороден по своей текстуре. Нам не хватает самобытных районов, и критики задаются вопросом, как же вообще люди, живущие в таких городах, могут испытать чувство принадлежности к ним, испытывать *ощущение места*?

На этот вопрос нелегко ответить. Большинство из нас, не особо задумываясь, сказали бы, что ощущение места, ощущение себя дома в том или ином месте развивается постепенно — по мере того, как мы привыкаем и все больше чувствуем свою принадлежность к нему. То есть ощущение дома — это нечто, что мы создаем сами. Однако существует множество людей, особенно среди тех, кто чувствителен к окружающему их пространству, которые, наоборот, считают, что ощущение места — это наш непосредственный отклик на эстетические факторы, которые либо уже присущи среде, либо были привнесены некоей волей и являются творением истории, природы или искусства.

Многие из тех американцев, что относят себя ко второй группе, разделяют мнение зарубежных критиков, и на протяжении последних двух десятилетий пытаются привнести жизнь и разнообразие в центральные районы ряда наших городов. В них улицы украшаются растениями, небольшие площади начинают пестреть аллеями, фонтанами и скульптурными сооружениями разного рода. Встретить бутик или изысканный ресторан в отреставрированном здании XIX в., как правило некогда заброшенном складе или железнодорожном вокзале, стало обычным делом. В Шарлотте (Северная Каролина) под это

Джексон, Джон Бринкерхофф
1909–1996

¹ Эта и другие работы доступны по адресу: <https://newprairiepress.org/oz>. Это произведение лицензировано по лицензии Creative Commons Attribution-Noncommercial-No Derivative Works 4.0 License. Рекомендованная ссылка: Jackson, John B. (1986) "A Sense of Place, A Sense of Time", *Oz*: Vol. 8. DOI: 10.41482378-5853.1111

Эта статья доступна для бесплатного и открытого доступа по инициативе New Prairie Press. Она была принята для включения в *Oz* уполномоченным администратором New Prairie Press. Для получения дополнительной информации, пожалуйста, свяжитесь с cads@k-state.edu.

выделили старую методистскую церковь. И это лишь малая часть того, что было сделано, чтобы оживить и украсить наши города и наделить их индивидуальными чертами. В парках устраивают концерты барочной музыки, а по местным архитектурным достопримечательностям водят экскурсии.

В новом общественном центре в Альбукерке еженедельно проводятся национальные праздники: греческий, испанский, затем немецкий или посвященный культуре индейцев Пуэбло, где показывают соответствующие национальные костюмы, танцы и блюда народной кухни. Во время этих мероприятий центр города преобразуется. В воздухе как будто появляется нечто вроде невидимого конфетти, и возникает ощущение, что город наконец-то становится увлекательным и красочным местом, а от былого однообразия не остается и следа. Но если вы на пути к месту своего назначения, находящемуся за сотни миль, окажетесь проездом в центре города после полуночи, он скорее всего откроется вам в совсем ином свете. Вашему взору явится не богатство форм, цветов и движения, а улица, пустая и длинная, равномерно расчерченная чередой красных и зеленых огней светофоров. Высокие стеклянные здания, такие яркие и величественные днем, погруженные в полумрак, отойдут на задний план, как декорации на сцене, позволяя улице — единственному неизменному действующему лицу в этом пейзаже — проявить себя.

Улица бежит от центра сквозь другие, менее обаятельные части города, через кварталы молчаливых домов, через погруженные в зелень пригороды, пока не превратится в шоссе, устремленное в темный безликий пейзаж. Улица никогда не заканчивается, ничто не прерывает ее движения. Время от времени глаз выхватывает из темноты ярко освещенную стоянку для грузовиков — точно такую же, как и все остальные. С приходом темноты наступает время самосозерцания. Излюбленная сцена во многих романах, фильмах и телепредачах, глубоко укоренившаяся в сердцах американцев — одинокое путешествие по безмолвному пейзажу: водитель оглядывается на свое прошлое, размышляет о своем предназначении, о мире, сквозь который он мчится, освещаемый лишь светом приборной панели, показывающей, как быстро он движется и как долг его путь. Однотипность *американского пейзажа* захлестывает его. Эта однотипность — производная *сетки*. Не только той сети улиц, лежащей в основе каждого города, от мала до велика, к западу от Миссисипи, но и сетки, наложенной на две трети страны и простирающейся от Аппалачей к Тихому океану, от Рио-Гранде к Канаде, где, в измененном виде, она уходит далеко на север. Именно сетка, а не орел или звездно-полосатый флаг, является нашим национальным символом. Эта сетка отпечатывается в сознании наших детей еще до их рождения.

Нашей государственной системе планирования на основе сетки уже более двухсот лет, и я удивлен, что мы не обратили совершенно никакого внимания на ее годовщину.

В 1785 г. Континентальный Конгресс принял Национальный Указ о Земле² — закон, предусматривающий разделение страны к западу от Аппалачей на бесчисленное множество квадратных наделов. Из 36 участков были сформированы квадратные городские районы, а многие из наших среднезападных округов, в свою очередь, составлены из шестнадцати городских районов.

В Америке есть несколько квадратных городов. Наиболее известный пример — Вашингтон, округ Колумбия. И когда сетка была впервые поставлена на службу власти, заб-

² The Land Ordinance — Указ о Земле 1785 года был принят США Конгрессом Конфедерации 20 мая 1785 г. Он установил стандартизированную систему, в соответствии с которой поселенцы могли приобретать право собственности на сельхозугодья на неосвоенном западе. Указ заложил основу для Государственной системы межевания земель (прим. переводчика).

резжила надежда, что со временем в Соединенных Штатах появятся пара-тройка квадратных штатов. К сожалению, этого так и не произошло. Колорадо и Вайоминг — вот пример того, насколько близко мы смогли подойти к квадрату. Одной из причин подобного акцента на квадрате была философия Отцов-основателей³: считалось, что квадрат символизирует определенные гражданские добродетели: простоту и равенство, справедливость и взаимозаменяемость. Такая коннотация прослеживается до сих пор, когда мы говорим о «честной»⁴ сделке или каких-либо договоренностях. Современное поколение использует это слово чаще в уничижительном смысле: скучного и законопослушного человека называют «квадратным»⁵. Однако я считаю, что подобное употребление уже устарело.

В практическом плане прямоугольник ничем не уступает квадрату, поэтому большинство наших крупных городов (за исключением Солт-Лейк-Сити) состоят из прямоугольных кварталов, разделенных на одинаковые прямоугольные участки. Несомненно, философский символизм сетки повлиял на ее выбор в качества способа организации пространства новой страны. У нее есть и практические достоинства: ее легко межевать, ее можно бесконечно наращивать в любом направлении, и она значительно упрощает описание местности. Это был не столько проект, а скорее набор общих указаний по освоению местности различными способами. По большому счету сетка дала возможность каждому будущему американцу, поселившемуся на только что размежеванных территориях, удовлетворить две основные потребности: потребность в месте — поскольку обеспечивала его клочком земли, который он мог бы возделывать и называть домом, и потребность в принадлежности к сообществу — поскольку сетка задавала границы населенных пунктов. Но на этом преимущества сетки заканчивались. Она игнорировала топографию: ее прямые линии прорезали озера, горы и леса. Она игнорировала климат и особенности почвы. Доллар пятьдесят — такова была цена, в конечном счете утвержденная для любого акра земли, будь то плодородные равнины или непроходимая глушь.

Сетке безразличны города и поселки, ей нет дела ни до эксплуатации или охраны природных ресурсов, ни до особых групп населения или сообществ, таких как, например, индейцы. В ней нет ничего, что предусматривало бы изменение или модификацию системы, и нет даже малейших указаний на то, как продолжить традиционную организацию пространства. Считается, что Джефферсона и других сторонников сетки вдохновил римский метод центуриации⁶, благодаря которому появилась обширная система сеток, до сих пор частично сохранившаяся во многих регионах, некогда входивших в состав Римской империи. Но сходство между этими двумя системами поверхностно: римская сетка не просто устанавливала размер индивидуального владения, она определяла тип использования территории, род деятельности проживающих на ней людей, а также место расположения как дорог и ирригационных каналов, так и городов. Сетка превращала территорию в чрезвычайно эффективный, спланированный ландшафт, подконтрольный центральной власти.

³ The Founding Fathers — отцы-основатели — группа американских государственных деятелей, сыгравших ключевую роль в основании и становлении американской государственности (прим. переводчика).

⁴ Англ. square deal — честная сделка — дословно — квадратная сделка; выражение to be on the square with somebody — быть честным с кем-то, дословно переводится быть с кем-то квадратным (прим. переводчика).

⁵ Англ. square person — скучный человек (прим. переводчика).

⁶ Лат. Centuriatio или limitatio, — метод центуриации, также известный как метод Римской Сетки — метод межевания земель, применявшийся в Римской империи. В зависимости от местной геоморфологии в качестве границ выступали дороги и/или каналы, которые формировали в основном квадратные, реже прямоугольные участки фиксированных размеров (прим. переводчика).

Городские планировочные сетки меньших размеров, коих было несколько в колониальной Америке, определяли социальную иерархию и централизованную планировочную структуру поселений. Появление государственной сетки знаменовало собой кардинальный перелом как в социальной философии, так и во взаимоотношениях между индивидуумом и его окружением. Она как бы говорила: «Вы боролись за возможность владеть своей землей и быть ее единственным хозяином. Вы требовали, чтобы все крепостнические, все социальные, все церковные ограничения были устранены. Вы желали, чтобы каждый нес полную ответственность за свои решения. Так вот он — ваш демифологизированный, экзистенциальный мир, ваш набор условных границ, ваш прямоугольный участок земли, ваш шанс вершить свою судьбу, установить свои собственные взаимоотношения с природой и окружающими вас людьми. То, как вы справитесь со своими проблемами, какой дом и какой город вы постройте — вам решать». Как видно, это, безусловно, очень формальный способ раз и навсегда обустроить пространство для молодой и растущей нации. Доведись нам сегодня заняться тем же самым, мы бы взялись за дело гораздо более серьезно и научно. Мы бы годами, если не десятилетиями, спорили об экономике, социальном составе населения, эволюции различных регионов, которые предстоит освоить. Неизбежно возникли бы серьезные идеологические разногласия. И как только план был утвержден, мы бы тотчас же начали его дополнять и совершенствовать, чтобы убедиться в том, что будущее у нас под контролем. Ведь нам очень трудно допустить, что оптимальные условия не могут или не должны быть созданы специалистами. Именно поэтому многим из нас так сложно принять систему сетки. Мы отвергаем ее как неоклассическую абстракцию, как удобный способ продажи земли, позволивший заплатить по счетам, оставшимся со времен войны за независимость. Но я думаю, что эту схему можно трактовать и как признание нового типа личности: свободной наконец действовать согласно своим благодушным, в основной своей массе, инстинктам; автономной, способной устремляться к совершенству, откинув груз истории и догмы репрессивных социальных институтов. Очень маловероятно, что Джефферсон имел хоть малейшее представление о том, созданию какой среды он поспособствовал. Отцы-основатели выросли и жили в условиях колониальной Америки, в ландшафте, созданном однородными сообществами английских мужчин и женщин, которые стремились воспроизвести в измененном виде компактную, окруженную полями и лугами, фермерскую деревню Старого Света.

Согласно Указу о Земле, предполагалось, что территории на Западе будут заселены таким же почтенным и традиционным для Старого Света способом: группами семей с назначенными ими руководителями, их церковью, обычаями и традициями. Даже южане — члены комитета, верные «южанской» политике индивидуального расселения, поддержали идею о том, что пустыня к западу от Аллегений постепенно будет застроена аккуратными фермами и небольшими деревнями с церковью или зданием суда в качестве центра общественной жизни. Все они согласились с тем, что ландшафт, заключенный в сетку, должен быть заселен упорядоченно и последовательно. Один из них, Альберт Галлатин, жил в пограничном районе Западной Пенсильвании и по опыту знал, что новое, менее сговорчивое поколение поселенцев не захочет участвовать в традиционной сельской жизни с ее социальными и моральными ограничениями. Он знал, что они предпочтут год-два обрабатывать участок земли, а затем переселиться дальше на Запад. Тем не менее отцы-основатели были убеждены, что европейское и колониальное наследие, определяемое природной средой

и традициями, в конечном итоге возобладает. Однако еще до Революции⁷ было много признаков того, что новый тип ландшафта уже начал появляться. В идеальном традиционном ландшафте Старого света положение семьи в общине зависело не только от наличия права на землю, но и от того, насколько хорошо о ней заботились. Дома, поля, сооружения и пространства были в те времена лучшими показателями сплоченности и благосостояния деревни. Но постепенно даже они перестали быть надежными свидетельствами: участки покупали для перепродажи, а тот, кто ее покупал, часто не жил и не работал на ней. Землю занимали сквоттеры, не владевшие ею, однако, и другие земли порой эксплуатировались ради природных ресурсов (лесов, пастбищ, дичи) людьми, которые не жили на ней и не утруждали себя покупкой. Теперь-то мы знаем, что новые западные штаты редко заселялись согласно прогнозам. С самого начала они сталкивались с частой сменой землевладения своих хозяев, с высокой степенью мобильности населения и высоким уровнем смертности в городах и деревнях.

Большинство описаний XIX в. новых пейзажей Среднего Запада и Великих Равнин посвящено их мрачности и сырости, а также их вернакулярному характеру застройки. Книга Джона Репса «Города Американского Запада» является бесценным путеводителем по городам, выросшим к западу от Миссисипи в период между Гражданской войной и 1900 г. Это замечательное собрание планов городов и литографий того времени вместе с сопровождающими их описаниями повествует о том, как традиционная планировка была постепенно отвергнута в пользу единой сетки недифференцированных пространств, и как фокус внимания сообщества смещался от общественных сооружений к коммерческой и индустриальной застройке, сгруппированной вокруг вокзала и железнодорожных путей. Когда мы смотрим в иллюминатор, по мере того как наш самолет опускается на землю любого из дюжины современных городов на Среднем Западе и Западе, вездесущая сетка предстает перед нами в новом свете: каждая ячейка представляет собой компактную композицию скромных, одноэтажных оштукатуренных домов с пристроенным гаражом и миниатюрным газоном. Богатые части города сменяются бедными: кварталы близ загородных клубов, застроенные большими домами, с круговыми подъездными путями, уступают место районам, расположенным вдоль трасс и состоящих из, кажется, одних только трейлерных парков⁸. Некоторые улицы засажены деревьями и робко изгибаются; другие — грунтовые и заставлены припаркованными автомобилями. Но рано или поздно мы улавливаем, или думаем, что улавливаем, ощущение единообразия, лежащего в основе большинства домов: здесь нет места вычурности; но и нет среди них ни одного дома настолько запущенного, что его невозможно было бы привести в порядок. Все они являются вариациями национального прототипа жилища: скромное по размеру, простое по дизайну, обращенное больше на улицу, чем на соседей, приятно безликое в своем благоустройстве и полностью лишенное качества, принятого называться пафосом. Нам не удастся отыскать примеры регионального стиля или их исторический первоисточник. И чем больше мы рассматриваем эти дома, тем больше кажется, что они отражают характеристики ландшафта сетки: его простоту, единообразие и взаимозаменяемость; отказ от прошлого и безразличие к природе. Историю американской архитектуры вполне можно было бы переписать, оставив в стороне эволюцию стилей и основываясь только лишь на медленном и упорном освобождении от нако-

---

⁷ Американская Революция — колониальное восстание, произошедшее между 1765 и 1783 гг. на территории британских колоний Северной Америки (прим. переводчика).

⁸ Англ. Trailer Park — Трейлерный Парк — стоянка для домов на колесах. В американской культуре традиционно считается жильем беднейших слоев населения (прим. переводчика).

пленных мифов и символизма, традиционных форм и ограничений прошлых эпох. И как только эта цель будет достигнута, перед нами предстанет демифологизированный дом: маленький, компактный, удобный, жизнерадостный, легко и непринужденно покоящийся на небольшом зеленом прямоугольнике в демифологизированном и разлинованном пейзаже. Но такой дом не является центром пейзажа. Он напоминает трейлер — мобильный дом, который всегда в конечном счете уезжает. Об этом говорили многие критики: наши города равномерно монотонны, а стало быть, им не хватает ощущения места. Но так ли это на самом деле? Когда мы присоединяемся к хору осуждения американской городской среды за то, что в ней отсутствуют индивидуальность и разнообразие, не слишком ли легко мы выносим этот приговор, основанный лишь на одном мнении — мнении архитектора-урбаниста-дизайнера?

Меня не покидает ощущение, что нынешняя дискуссия о том, что именно создает ощущение места, в основном ведется в узком кругу образованного и чувствительного к окружению меньшинства. Истеблишменту (зритель, турист, профессиональный наблюдатель) свойственно восхищаться видимыми и формальными отношениями. Но для обычного горожанина это совсем не характерно. И мы, должно быть, очень глупы, очень далеки от повседневного мира, если мы не видим, насколько жив интерес большинства американцев к тому, что для них самих является уникальными качествами того города или поселения, в котором они живут: к климату, политике, кухне, нарушениям правил дорожного движения, акценту, одежде и повседневным привычкам.

В этом отношении ни один город не похож на другой. Никто не станет утверждать, что каждое место уникально в архитектурном или урбанистическом плане, но все признают его социальную уникальность. Мы не видим эту уникальность, потому что большинство из нас определяет ощущение места не по формам, пространствам и конструкциям, а по тому, как оно репрезентирует время при помощи чередования ежедневных, еженедельных, ежегодных событий. На самом деле, индивидуальность места всегда проявлялась подобным образом. Крестьянская деревня появилась благодаря традиционному земледельческому календарю, определившему дни вспашки, посадки и уборки урожая, а также церковному календарю с установленным порядком почитания святых покровителей и проведением местных торжеств. Именно общественные мероприятия наделяли место его характерными чертами. Не композиция пространств и сооружений делала рынок красивым, а момент и день.

Именно отсутствие памятников и архитектурных произведений в большинстве американских общин способствует такому акценту на события, как на способ объединения города. Мы по большей части отказались от традиционного календаря, основанного, как это было раньше, на круговороте времен года и цикличном движении небесных светил. Ему на замену в каждом городе пришли свои собственные, гораздо более насыщенные, циклические календари: праздники, дни начала и конца учебного года, бейсбольного или баскетбольного или футбольного сезонов, выборы, поездки выходного дня, регулярные поездки на работу и с работы по будням и в торговые центры по выходным. Пространства в нашей современной городской среде по большей части не представляют интереса и не отличаются выдающимися художественными качествами. Но в назначенный день или час парковка, торговый центр, спортивная арена, детская площадка и улицы оживают, становятся сценическими декорациями для мимолетного общественного события, наделяющего город ритмом и наполняющего его жизненной энергией.

Социология времени — это новая и до сих пор в значительной степени неизученная область, и, несомненно, лучшая на данный момент работа на эту тему — книга «Семидневный Круг» Эвиатара Зерубавеля. Это увлекательное исследование посвящено неделе, а вернее тому, как жизнь современного городского общества организована в этом временном отрезке. Как пишет сам автор: «Неделя — это единственный значимый ритмический компонент нашей среды, который, по своей сути, искусственен и полностью безразличен к природе», и, вероятно, именно поэтому она является столь важным элементом американской городской жизни? С ее помощью мы получаем то, что можно было бы назвать «временными ориентирами». Она позволяет сформировать и разнообразить демифологизированный календарь и демифологизированное окружение. Именно социология времени сегодня как нельзя лучше подходит для изучения ландшафта: различные ритмы, календари, распорядки дня очень эффективно отделяют одни группы от других, точно так же как сходные ритмы и сходные календари объединяют нас во многих отношениях и помогают создавать сообщества. Я считаю, что урбанистические исследования в Америке очень нуждаются в этом новом измерении. Мы склонны быть враждебными по отношению к истории и слишком сильно озабочены неизменными городскими явлениями, как природными, так и антропогенными, мы слишком сильно озабочены пространством и способами его организации, и мы слишком мало значения придаем времени — его организации и его важности. Пауль Тиллих писал: «Сила пространства велика, и она всегда готова служить как созиданию, так и разрушению. Она является основой желания любой группы людей иметь свое собственное пространство, место, подтверждающее их реальность, присутствие, силу жизни, питающее их, тело и душу... Но всякое пространство ограничено. Неизменно возникает конфликт между ограниченным пространством любой социальной группы, даже самого человечества, и неограниченными притязаниями, которые связаны с божественным происхождением этого пространства... Трагедия и несправедливость присутствия Богу, который действует во времени и через время, объединяя в Любви разделенное пространство своей вселенной».